

Олег Губарь

О том, как Одесса всем миром собирала деньги на памятник А.С. Пушкину

Не знаю ничего пошлее местечковых легенд, низводящих всякий значимый ретроспективный сюжет до уровня невежественной байки. Скажем, следуя логике самозванных экскурсоводов местного разлива, Александр Сергеевич год с лишком только тем и занимался, что озеленял Одессу: втихаря на рассвете, «навстречу утренней Авроре», высаживал то канадский тополь под окнами Воронцовой или Ризнич, то платан на бульваре, то дубок в Казенном саду. Впоследствии же бронзовая версия большого любителя зеленых насаждений повернулась спиной к Думе в знак протеста: как же, городское самоуправление якобы не пожелало финансировать сооружение памятника.

Для начала замечу лишь то, что бронзовый Пушкин повернут как раз лицом к Думе, помещавшейся до конца позапрошлого столетия в правом полуциркульном здании, за спиной вовсе другого монумента, Дюка. Стало быть, это герцог Ришелье, возможно, недоволен прижимистыми думцами. Поэт же на самом деле как бы отвернулся от Старой биржи, в которую Дума перебралась только в 1899-м, после постройки Новой – где ныне филармония (к этому времени памятник-фонтан стоял на своем месте уже десять лет). Но и тут получается неувязка, ведь именно обитая в меркантильной Южной Пальмире, Пушкин получил первые, неслыханные по тем временам литературные гонорары. Именно прагматичная Одесса надоумила, что его продукция такой же товар, как и всякий другой, что «можно рукопись продать», навела на «Разговор книгопродавца с поэтом». Пушкин жил в доме барона Рено, где проходили

биржевые собрания, дружил преимущественно с негоциантами, биржевиками, столовался у них, играл с ними в карты, развлекался на их приморских хуторах. Так что никакого зуба на биржу не имел.

Во избежание разночтений, казалось бы, остается принять равнение налево (на Английский клуб), на худой конец направо (на море и обратно). Однако и оные варианты могут интерпретироваться как экивоки. Действительно, повышенное внимание к туманному Альбиону, а тем паче к «свободной стихии» грозит отозваться обвинениями в безродном космополитизме со всеми вытекающими отсюда последствиями, не исключая депортации монумента. «Куда ж нам плыть?» Бедный Пушкин, как он был прав!

Для пресечения хорошо проверенных слухов остается лишь одно: рассказать, как все было реально – кто инициировал сооружение памятника, как собирались необходимые средства, кто эти средства предоставлял, как этот проект осуществлялся, каково было фактическое участие Городской думы.

Дело было так. В 1880 году в день рождения Пушкина состоялось торжественное открытие монументального памятника поэту в Москве работы А.М. Опекушина. В торжестве принимала участие делегация Одессы – города, не только неразрывно связанного с биографией и творчеством поэта, но и университетского. Поэтому и здесь синхронно проходили памятные пушкинские дни. Накануне на заседании в Императорском Новороссийском университете была озвучена инициатива Славянского благотворительного общества имени Кирилла и Мефодия, Одесского городского общественного управления и университета увековечить память Пушкина в Одессе.

В тот же день установили мемориальную мраморную доску на доме Сикара по Итальянской улице, связанном с пребыванием поэта. 25 июня последовало постановление Думы относительно отвода места на Николаевском бульваре, против здания Биржи, для сооружения фонтана с бюстом по частной подписке (изначально памятник предполагалось установить на Театральной площади, меж Городским театром и Английским клубом), причем тут же Славянскому обществу из городских

сумм было выделено 300 рублей на премию за лучший проект. Тогда же Итальянскую улицу переименовали в Пушкинскую. Конец 1880-го ознаменовался формированием особого Комитета по сооружению памятника, в состав которого вошли представители университета (профессора Н.П. Кондаков, А.А. Кочубинский), городской управы (Н.В. Велькоборский), Общества изящных искусств (Д.Е. Мазиров, Ф.О. Моранди, В.А. Красовский, впоследствии Л.Л. Влодек), Славянского общества (И.И. Бобарыкин, председатель комиссии, и Р.И. Мрачек). Как видим, люди не только известные, но и высокопрофессиональные. Комиссия открыла свои действия 29 мая 1881 года.

Поскольку сбор средств назначался по частной подписке, стартовали в июне газетными воззваниями к одесситам и лицам, связывающим свои коммерческие и прочие интересы с городом. Вот образчики этих текстов.

«Граждане! Поспешите своими пожертвованиями осуществить дело увековечения памяти Пушкина в Одессе. Принесите вашу дань в честь искусства, засвидетельствуйте перед грядущими поколениями свою благодарность за чудные строки, которыми поэт запечатлел бывшее степей Бессарабии, скал Тавриды и нашего города – этой столицы Юга; заплатите ваш долг за восхитительные картины нашего многошумящего моря!»

«Говорят, по множеству памятников можно судить об умственном развитии страны. В справедливости этого трудно сомневаться; можем только прибавить, что счастлив народ, имеющий великих сынов, но счастливее тот, который сумеет оценить достоинства их».

«Наш край – южная окраина русской земли – к великому поэту имеет свои, особые отношения. Наша окраина – Кавказ, Таврида, Бессарабия и Одесса – теснейше связаны с творчеством русского гения: многие и не последние его произведения навеяны ею. Естественно было потому желание – эти наши местные отношения к поэту увековечить в монументальном памятнике. Когда остановились мы на этой мысли, мы были далеки от стремления конкурировать с памятником поэту в Москве, и не взыщут с нас, если скромные размеры нашего памятника не будут в гармонии с размерами чествуемого гения, не скажут, что мы оскорбляем

ими. Мы остановились на фонтане с бюстом Пушкина в Одессе – на бульваре, против Биржевого здания, где начинается улица имени поэта... Комиссия не ищет многого – она помнит русскую поговорку «копейка к копейке – рубль»; пусть только каждый, кто хоть в школе познакомился с Пушкиным, принесет свою лепту, в копейку, и искомая сумма налицо».

Намечалось отпечатать подписные листы, поручить сбор денег представителям комиссии и, по ее выбору, другим лицам, организовать мероприятия – концерты, спектакли, публичные лекции, праздники, выручка от которых пойдет в казну устройства памятника-фонтана. По условиям конкурса на лучший проект смета определялась в 5000 рублей, две премии соответственно в 300 и 100 рублей, а срок подачи – до 31 декабря 1881 года. К означенному термину подоспело четыре работы, но все они были по разным причинам отклонены комиссией и экспертным советом, в который входили весьма и весьма достойные и почтенные специалисты: архитекторы А.И. Бернардацци, А.Д. Тодоров, А.Э. Шейнс, инженер А.А. Швенднер.

Конкурс пролонгировали до 1 мая 1882 года, и к этой дате поступило пять новых предложений. В итоге первая премия досталась проекту под девизом: «Это – тот ничтожный мира, что, когда бряцала лира, жег сердца нам как пророк», вторая – с девизом «Поэту – зодчий». После раскодирования девизов оказалось, что первым назван архитектор Х.К. Васильев, а вторым З.И. Жуковский. Несмотря на успех, эксперты указали Васильеву, как именно следует переработать эскизный проект для его воплощения в жизнь. Впоследствии зодчий составил детальные чертежи с учетом замечаний экспертов, и в итоге получил еще 200 рублей, предусмотренных условиями конкурса. Между тем расчетный бюджет памятника постепенно увеличивался: по смете Васильева он составлял уже 5820 рублей, затем, когда выяснилось состояние грунта в основании, расходы увеличились еще на 700 рублей.

Здесь хочу сделать небольшое отступление. В свое время мне попалась занимательная информация о том, что еще до сооружения памятника-фонтана на месте его установки в ходе земляных работ обнаружили старинные подземные выработки, прохо-

дившие с морской стороны. Некогда, вероятно, в первые эпохи существования Одессы, они использовались в качестве жилых помещений: там нашли деревянные топчаны, ветошь, предметы материальной культуры. Следовательно, грунт надо было укреплять.

Переговоры со скульптором Жозефиной Полонской, супругой лично известного многим одесситам поэта Якова Полонского, начались по инициативе Х.К. Васильева. По его же рекомендации связались с профессором ваяния Н.А. Лаврецким. Первая должна была исполнить бюст в должную величину, а второй наблюдать за этой работой, а затем изготовить все другие художественно-металлические части и отлить вместе с бюстом из бронзы. Переговоры эти (1883-1885 гг.), впрочем, шли чересчур пассивно, ибо сбор средств по подписке тоже продвигался очень слабо: меркантильная Одесса некоторое время оставалась меркантильной, не смотря на все воззвания и увещевания.

Проект затянулся на годы, и в марте 1886 года комиссия обратилась с челобитной к городскому общественному управлению, не возьмется ли оно соорудить памятник за счет средств города к 50-летию кончины поэта, то есть к 29 января (10 февраля по новому стилю) 1887 года. В заседании 22 апреля 1886 года городская управа отклонила просьбу комиссии, отчего, вероятно, весь сыр-бор, изустные предания относительно неучастия Думы в сооружении памятника Пушкину. На самом же деле управа нашла неудобным входить в Думу с означенным ходатайством, поскольку оно совершенно изменяло первоначальную идею. Другими словами, поначалу высочайше утверждалась общественная инициатива, а теперь выходило так, что памятник устраивается за счет городского бюджета. В таком случае пришлось бы, вероятно, повторять всю бюрократическую процедуру подачи и утверждения, что явно компрометировало Одессу во всех отношениях.

Сознавая правоту управы, комиссия 26 января 1887 года обратилась в правление Славянского благотворительного общества с предложением взять все дело на себя, изготовить новые подписные листы и приурочить закладку памятника к годовщине смерти поэта. Судя по всему, сосредоточение ответственности

в одних руках пошло на пользу проекту: 2 февраля произошла торжественная закладка памятника при участии высших административных властей, представителей муниципалитета и многочисленной публики. «Праздник закладки, – читаем в «Отчете Комиссии по сооружению памятника-фонтана А.С. Пушкину в г. Одессе», – дал блестящие результаты, К этому дню было собрано 600 р., и кроме того он возбудил большой интерес среди граждан. К председателю общества начали поступать заявления о пожертвованиях».

Частные лица и предприятия предложили пожертвования строительными и прочими материалами. Так, еврейское общество «Труд» уведомяло, к примеру, что готово безвозмездно исполнить для памятника все работы из чугуна. Известные зодчие Ф.О. Моранди и Ю.М. Дмитренко обязались бесплатно руководить работами по сооружению. Сотрудник Товарищества разработки залежей Городищенского лабрадора Н.И. Баринов исходатайствовал согласие этой структуры на поставку лабрадора без оплаты. Вслед за ним пришло заявление арендатора Гниванских гранитных ломок о пожертвовании гранита. Все эти и многие последующие мероприятия и инициативы осуществлялись при самоотверженном участии руководителей и активистов Славянского благотворительного общества М.В. Шимановского, Л.П. Долинского и К.О. Рандича, без которых позитивный результат едва ли был бы достигнут.

Тотчас возобновились переговоры с Х.К. Васильевым, Ж.А. Полонской и Н.А. Лаврецким. Полонская согласилась изготовить бюст Пушкина за 1200 рублей. Наученный предыдущим горьким опытом академик Лаврецкий отказался принять участие в продолжении проекта, а потому исполнение остальных деталей поручили скульптору Реутову (500 руб.) под надзором академика Чижова. Отливку производили на петербургском заводе Морана (700 руб.). После экспонирования бюста и деталей памятника в Академии художеств Ж.А. Полонская удостоилась академической награды. Видя, что все идет на лад, Общество Юго-Западных железных дорог также решило внести свою лепту в копилку прекрасного начинания и отказалось от оплаты за доставку бюста и бронзовых украшений в Одессу.

Тем временем первый гражданский порыв одесситов-жертвователей иссяк. Сбор средств по подписным листам затормозился, надо было искать другие способы пополнения благотворительной кружки. 12 декабря 1887 года состоялся весьма продуктивный музыкально-литературный вечер с «живыми картинами» в исполнении светских дам, давший 1446 рублей с полтиной сборов. Довольно заметить, что в числе его распорядительниц были Н.М. Зеленая, Л.И. Курис, М.Ф. Кич (урожденная Наркевич, супруга председателя Одесского коммерческого суда, а впоследствии жена Г.Г. Маразли). 31 января организовали благотворительный бал в Одесском военном собрании, принесший 1092 рубля 30 копеек. Помимо уже упоминавшихся распорядительниц в мероприятии участвовали, скажем, супруга генерал-губернатора М.С. Рооп, княгиня Горчакова, М.А. Бродская. В конце мая устроили музыкально-драматический пушкинский праздник в Городском театре с участием популярных артистов, гулянья на Малом Фонтане, в «Гранд-отеле» и в саду Благородного собрания. Несмотря на непогоду, выручка дала почти 1900 рублей.

Хочется непременно перечислить хотя бы некоторых из тех, кто бросил свою лепту в копилку сооружения памятника Пушкину. Замечательно то, что мы находим в этом обширном реестре представителей разных социальных, профессиональных, культурных, этнических групп – всю многокрасочную палитру городского гражданства, весь цвет старой Одессы. Начнем с высокопоставленных чиновников а аристократов: генерал-губернатор Х.Х. Рооп и градоначальник П.А. Зеленой, графы М.Д. и М.М. Толстые, М.В. и А.В. Шимановские, Н.Ф. Фан-дер-Флит – по 100 рублей, И.П. Скаржинский, М.Н. Бухарин, Н.Ф. Сухомлинов – по 25 рублей, князь Г.И. Манук-Бей – 10 руб., князь Юрий Гагарин и баронесса Бистром – по 5 руб., граф Мархоцкий – 3 руб.

Представители крупного и среднего бизнеса: братья Анатра, «Арист Мас и К^о» – по 100 руб., «Рафалович и К^о», «Тработти и К^о», Ф.П. Родоканаки, А.Ш. Гринберг, «Дрейфус и братья», Мавро-Биязи, Моисей Ашкинази – по 50 руб., Р.А. Бродская, А.А. Бродский, Я.А. Новиков, «С.И. Бродский и К^о», Лев Бродский, Леон Рабинович, Иван Диалегмено, А.П. Руссов, Иван Вучина, Соломон Баржанский – по 25 руб., К.Я. Ринк-Вагнер, П.С. Ралли, Ф. Шполянский,

С. Зусман, Р. Зонштейн, О. Хаис, Л. Левенсон, «Бланк и Ефрусси», А. Бродский, В. Санценбахер – по 10 руб. Фабриканты, заводчики, банкиры, хлебные экспортеры...

В числе жертвователей известный адвокат Я.И. Вейнберг, владелец магазина мод в Пале-Рояле Л. Лантье, будущие владелец «Пассажа» М. Менделевич и содержатель этой гостиницы Я. Кулинец, автор книги о коммерческой истории Одессы Симон Бернштейн, владелец гостиницы Авдей Ящук, производитель вин Склаво, издатели газет Навроцкий и Гроссул-Толстой, владелец магазина часов и драгоценностей Мель, сын знаменитого медика Андреевский, старейший одесский фотомастер Гааз, хозяин магазина военно-офицерских и церковных вещей Хакаловский, реализатор лучших зарубежных горячительных напитков Гинанд, архитектор Рейнгерц, переплетчик и издатель почтовых открыток Гезелле, выдающийся аптекарь Гаевский, отец выдающегося художника думец Буковецкий, профессор-минералог Прендель, книготорговцы Белый и Руссо, типограф Кирхнер, владелец гидропатического заведения Исакович, держатели частных гимназий Бален-де-Балю, Бракенгеймер, Шольп, мануфактурщик Пташников, гастроном Дубинин, кондитер и хлебник Либман, табачный фабрикант Асвадулов, торговец игрушками Калпакчи, производитель шляп Дельпеш, бакалейщик Ветков, ювелиры Мангуби и Кохрихт, оптик Энгель, производители обоев братья Тарнополь, фортепьянщик Рауш, мраморщик Менционе...

Сотни одесситов – русских, украинцев, евреев, греков, немцев, поляков, французов, армян, караимов, молдаван, болгар, итальянцев, от градоначальника и городского головы до провизора и акушерки, – жаль останавливаться в их перечислении. 45 рублей было собрано попечителем Одесского учебного округа, 300 руб. поступило решением собрания акционеров Одесского общества взаимного кредита, 100 руб. предоставила Комиссия народных чтений, да 3 рубля 96 копеек «с кружки при аудитории народных чтений», 25 руб. пожертвовало правление Общества взаимного вспомоществования тружеников печатного дела города Одессы, 13 рублей 35 копеек передали «господа офицеры 13-го стрелкового батальона»...

В всей этой истории зафиксирован и курьезный эпизод, описанный одним из главных сборщиков пожертвований, председателем Славянского общества М.В. Шимановским. «Как обыкновенно, – рассказывает он, – вначале взялись горячо за дело, потом большинство остыло, и после долгого перерыва, который наполнен был лишь одними добрыми пожеланиями, идея сооружения памятника начала получать реальное осуществление лишь в 1887 г.». Вместе с будущим председателем общества, С.И. Знаенским, они побывали у некоторых заметных фигур города, включая графа М.Д. Толстого и графа А.Г. Строганова. Оба знали Пушкина лично, но если первый с видимым удовольствием пожертвовал 100 рублей, то второй сильно сконфузил просителей своей неадекватной реакцией. Вот несколько произнесенных им фраз: «Я кинжальщикам памятников не ставлю!.. Я до этого еще не дошел!.. Что же это такое – Пушкину памятник!.. А?.. Но что же полиция смотрит?.. Что она смотрит?.. Подписка!.. И кому?.. Нет, я не могу допустить подобного образа действий... Нужно сообщить полиции...».

Современники объясняют подобное отношение к памяти Поэта личной неприязнью как самого Строганова, так и его единокровной сестры И.Г. Полетики. Рассказывают даже, будто они оба, уже глубокие старики, специально приближались к памятнику, чтобы плюнуть в его сторону. Заметим при этом, что Строганов – заслуженный боевой генерал, один из образованнейших и гуманнейших высокопоставленных чиновников своего времени (с его подачи, например, у нас открыт университет, в фондах научной библиотеки которого нынче находится феноменальное книжное собрание Строганова), «первый вечный гражданин Одессы». Впрочем, многие мемуаристы отмечают невероятное сумасбродство графа, в том числе «его оригинальный взгляд на пожертвования». Известно, что он тайком материально поддерживал своих знакомых. Высказываясь же о благотворительности как таковой, констатировал, что «не считает себя вправе распоряжаться имуществом, которое принадлежит его наследникам».

...Кроме упомянутых выше пожертвований услугами и материалами отметим еще вклад Н. Шевцова (плиты для фундамента,

цемент, песок, всего на 1189 руб.), З. Чернобыльского (лес на 73 руб. 45 коп.), Я. Новикова (канаты на 120 руб.), еврейского общества «Труд» (отливка ваз на 300 руб.), Абрама, Моисея и Мордку Розенов, Лейзера Циммермана, Захария Логинова (штучный камень на 160 руб.). Знаменитый газетчик В.В. Навроцкий бесплатно отпечатал афиши и билеты на пушкинский бал и праздник; безвозмездно выполнялись разнообразные скульптурные, каллиграфические, водопроводные, асфальтовые и другие работы.

Столь серьезный наплыв ресурсов (Славянское общество, кстати, ежегодно освещало ход сооружения в своих отчетах), понятно, обнадеживал, однако предположенная когда-то сметная стоимость в 5000, а затем 6520 рублей увеличилась почти втрое. Непредвиденные расходы появлялись одни за другими. Скажем, хотя железная дорога доставила гранитную глыбу бесплатно, но перевозка ее с вокзала на бульвар требовала весьма значительных затрат. Мало того, обработка прочного гранитного материала стоила около 10.000 рублей! Поэтому в 1888 году Комиссия по сооружению, несмотря на все свои невероятные усилия и достижения, вновь оказалась в безвыходном положении. Вот тогда-то и было принято решение повторно обратиться в Городскую думу, с тем чтобы та добавила недостающие для окончания памятника средства. В своем обращении от 18 августа комиссия мотивировала тем, что недостающие деньги могут быть постепенно собраны ею тем же законным путем – подпискою, концертами, гуляньями и т. д., однако это потребует еще не менее двух лет. А между тем для установки памятника все уже собрано, и ничто не может помешать его установке, чуть раньше или чуть позже.

Рассмотрение этого обращения затянулось до ноября, однако оно было удовлетворено, ведь в данном случае ситуация выглядела совершенно иначе: народная инициатива, поддержанная на самом верху, нашла свое живое воплощение в делах, а потому Дума имела моральное право принять долевое участие в благородном проекте. 5 декабря 1888 года Славянское благотворительное общество Кирилла и Мефодия получило отпущенные из городского бюджета 9000 рублей, то есть половину всех средств, необходимых на устройство памятника Пушкину! Будьте же посрамлены, сплетники, утверждающие, будто бронзовый Поэт отвернулся

от одесского городского общественного управления. Здесь уместно напомнить тот факт, что и сам конкурс на создание памятника финансировала та же инстанция.

А дальше все пошло по накатанной колее. Правда, суровая зима помешала открытию уже оконченного монумента в годовщину смерти Пушкина (закладка произошла 2 февраля 1887-го, а к 1 октября 1888-го памятник был уже практически готов). Зато 16 апреля 1889-го буквально вся Одесса повернулась лицом к своему великому певцу. Об этом событии можно написать немало страниц, но тут мне видится совершенно другой сюжет.

Согласно проекту Х.К. Васильева, на постаменте предполагалось со всех четырех сторон высечь цитаты из пушкинских произведений, относящиеся к Одессе и Югу. Однако кураторы строительства нашли, «что самое лучшее и более всего соответствующее обстоятельствам, как сооружался памятник и на чьи средства», сделать лаконичную надпись на его лицевой стороне: «А.С. Пушкину граждане Одессы», а с противоположной – «Сооружен в 1888 году»...

